

Судьба всегда дает шанс!
Не верите? Читайте романы Олега Роя:

Мир над пропастью
Муж, жена, любовница
Улыбка черного кота
Дом без выхода
Капкан супружеской свободы
Обещание нежности
Нелепая привычка жить
Амальгама счастья
Обняться, чтобы уцелеть
Украденное счастье
Барселонская галерея
Эдельвейсы для Евы
Банкротство мнимых ценностей
Мужчина в окне напротив
Сценарий собственных ошибок
В сетях интриг
Галерея «Максим»
Пасынки судьбы
Он & Она
Вдали от рая
Паутина лжи
Игра без правил
Шаль
Тайна
Искушение
Тот, кто стоит за плечом
Письма из прошлого
Три краски

Одно чудесное пари
Человек за шкафом
Повторный брак
Фантомная боль
Я тебя никому не отдам
Привет, моя радость!
Двойная жизнь
Фамильные ценности, или Возврату не подлежит
Писатель и балерина
Семь признаков счастья
Маскарад на семь персон
Галерея «Максим»

Дилогия «Белый квадрат»

Цветок сакуры
Захват судьбы

Дилогия «Страх»

И небеса пронзит комета
Числа зверя и человека

Дилогия «Ловушка»

Ловушка для вершителя судьбы
Ловушка для влюбленных

Секреты семейного счастья от Олега Роя

МУЖЧИНА и женщина
ЖЕНЩИНА и мужчина
Скользящий странник

ОЛЕГ
РОЙ

Писатель и балерина

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р65

Художественное оформление *С. Груздева*

Рой, Олег.

Р65 Писатель и балерина : роман / Олег Рой. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с.

ISBN 978-5-699-97295-1 (Капризы и странности судьбы. Романы О. Роя).

ISBN 978-5-699-97298-2 (Остросюжетный роман Олега Роя).

Марк Вайнштейн – автор популярных исторических детективов — не может жить без балета. И дело тут не только в том, что бабушка и мать у него балерины. Его поражает красота этого искусства: манящая и страшная одновременно. Делом жизни считает Марк создание романа о балете. И когда он видит на сцене Полину Ижорскую, а потом случайно встречает ее в кафе, понимает: вот она, героиня! Но почему-то этот хрупкий ангел вдохновляет его написание жутких сцен убийств.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97295-1
ISBN 978-5-699-97298-2

© Резепкин О., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

*Памяти моего сына Женечки
посвящается*

*Потрясающей в своем таланте
и женской красоте
балерине Ольге Марченковой
посвящается*

Увертюра

■ ПРОЛОГ

— Ксюш, помоги! Опять у меня все куда-то девается!

Выйдя из кабинета, Марк длинно, до хруста потянулся, хотел было крикнуть еще раз, но дочь уже появилась в дверях своей комнаты — как в раме. Тонкая, легкая, высокая — он с высоты своих «джентльменских» шести футов, не нагибаясь, целовал ее в самый верх лба, откуда росла смешная пушистая челка. Такая же, как у матери. И голову набок она склоняла точно как мать — чуть усмехаясь краешком безупречно очерченного рта.

— Что, шеф? Все пропало, гипс снимают, клиент уезжает? Высокие технологии атакуют из-за каждого угла?

Неистребимая ироничность — это тоже было от матери. Умение быть на «ты» с любой техникой — неизвестно откуда, видимо, от времени. Дитя двадцать первого века. Собственно, родилась-то Ксения еще в двадцатом, но уж больно хорошо это звучало — дитя двадцать первого века — вольно так, свободно и немного таинственно, очень похоже на всю эту — чтоб ее! — технику. Компьютеры, телефоны, смартфоны, вакомы, айпады, стилусы какие-то и черт знает что еще.

Для самого Марка компьютер был шайтан-машиной — абсолютно необходимой, но загадочной и не слишком дружелюбной. Ноутбук сам, по каким-то своим соображениям, рассовывал рабочие (а то еще и — о ужас! — готовые!) файлы неизвестно куда, терял почту или решал вдруг, что открытый файл — read only¹ и работать с ним — нельзя-нельзя-нельзя! Здравсьте, пожалуйста! А вчера можно было?! Шайтан-машина, вот как есть шайтан!

То ли дело — как в ненаглядном девятнадцатом веке, гусиным перышком по желтоватой (цвет старого кружева, экрю называется, очень вкусное слово, редкое, не затертое) шершавой бумаге. Медленно, сосредоточенно. Лист, другой, десятый. Перышко скрип-скрип, цепляется, тормозит, чернила брызгают, украшая мелкой черной сыпью и бумаги на столе, и сам стол, и нос пишущего. Свечной огонек потрескивает, дрожит и вдруг перепрыгивает на изукрашенные узорными строчками листы, радостно вспухает, взмывается, пляшет...

Ладно, бог с ними, с гусиными (или там — лебедиными, а то еще — павлиньими) перьями. А заодно и с паркерами и прочими «биками». От ручной писанины ныли предплечье и почему-то шея. Если приглядеться, то ничегошеньки романтического в «ручном» письме нет. Равно как и в печатных машинках.

На нижней полке кабинетного стеллажа в окружении Розенталя, полудюжины исторических справочников и растрепанного

¹ Read only — пометка, означающая, что файл может быть использован только для «чтения» (термин условный, поскольку к графическим файлам это тоже относится), изменения в него внести нельзя.

учебника по судебной медицине царил древний, с ятями и фитами, ундервуд. Угловатый, громоздкий, массивный настолько, что, казалось, двухдюймовая полка кряхтит и постанывает под его тяжестью. Пытаясь проникнуться «духом времени» (нельзя же писать о том, чего не чувствуешь, то есть, может, кто-то так и умеет, но у него никогда не получалось, чтобы «чисто из головы»), Марк иногда подтаскивал к стеллажу стоявший в углу кабинета круглый «рояльный» табурет (переставить железного монстра на стол не было никакой возможности) и старательно печатал несколько строчек. Каретка при переводе строки издавала оглушительный треск, завершавшийся «трамвайным» звонком, круглые клавиши на лязгающих рычагах требовали таких усилий, что через полчаса «работы» запястья и плечи начинали нестерпимо ныть, словно он мешки грузил. Машинистка, говорят, была преимущественно дамской профессией. Ну-ну.

Впрочем, дело было, конечно, не в том, что работать на компьютере физически легче. Подумаешь, плечи ноют! Небось у каких-нибудь скульпторов еще и не так ноют. Беда была в другом: от руки или на машинке тексты выходили... хуже. Да, по правде сказать, вообще не выходили. Черт его знает почему. Стивен Кинг когда-то придумал форнита¹ — маленького эльфа, что живет в пишущей машинке и без которого сочинительство — ничто, пустой перевод бумаги. Его, Марка, форнит, чем бы и кем бы это мифическое существо ни было, селиться в пишущих машинках или авторучках отказывался наотрез, признавая, судя по всему,

¹ Стивен Кинг. Баллада о гибкой пуле.

только компьютеры. Хотя управляться с шайтан-машиной не помогал.

Вот и приходилось звать на помощь дочь. У этих, нынешних, у нового поколения, умение справляться со всяческой электроникой, кажется, врожденное. А уж его Ксения обращается с искусственным разумом и вовсе виртуозно.

— Сейчас-сейчас, — бормотала она, сосредоточенно глядя в монитор ноутбука. — Не можешь — научим, не хочешь — заставим. И провериться никогда не вредно, полчища злобных вирусов бродят вокруг, мало ли... Нападут на нового Вяземского — и поминай как звали. Кстати, когда уже? — Она взглянула на отца через плечо, вопросительно вскинув брови.

Вяземским звался главный герой марковских книжек. Ксении он очень нравился. А еще больше ей нравилось быть первым читателем. И не просто читателем — тестирующим.

— Да я ж тебе в процессе все читал, — улыбнулся Марк. Этот диалог с теми или иными вариациями повторялся вполне регулярно. Но повторяемость отнюдь не раздражала, напротив — умиротворяла и даже умиляла.

— Ну, в процессе... — показательно нахмурясь, протянула дочь. — По кусочку, по эпизоду. К тому же вслух. Хочется все целиком — и собственными глазами. Наверняка же я на слух что-то упустила. — Она заговорщицки подмигнула.

— Неужто не надоело? — Марк с удовольствием «подал реплику», зная, что сейчас услышит приятное.

— Да ты что, пап?! — Ксения аж пальцем у виска покрутила. — Сам же говоришь, что я самый глазастый читатель. И во-

обще, сам знаешь, как мне все это нравится. На комплимент, что ли, нарываешься?

Ну да, вопрос был не без кокетства. Да, Марк знал, что она ответит, но знать и слышать собственными ушами — очень, знаете ли, разные ощущения. Потому и спрашивал каждый раз — чтоб внутреннее «знание», напитавшись звучанием «чужих» слов, ожило, окрепло, расцвело и зарумянилось радостно. Материализовалось. После оно вновь спрячется, растает тенью, зарастет сомнениями — но можно будет снова «нарваться на комплимент», задабривая живущего в глубинах сознания сурового судью сторонней похвалой. От того, что «сам знаешь» все и про себя, и про то, что сейчас скажут, менее приятным услышанное не становится. Люди любят, когда им говорят приятные вещи.

Разве что Татьяна к комплиментам кажется равнодушной, ну так Татьяна — вообще терра инкогнита, кантовская вещь в себе и все такое. А большинство людей на «какой ты молодец» реагирует одинаково положительно. Ксюха вон тоже отлично знает, что он считает ее лучшим тест-читателем из всех возможных, но каждый раз чуть не жмурится от удовольствия.

— А сама-то? — усмехнулся Марк, легонько щелкнув дочь по изощренно выстриженным «лохмам». — Но ты, разумеется, лучший тестер из всех возможных. И это чистая правда. Не говоря уж о том, что твоя способность приводить этот агрегат в чувство лично меня приводит в состояние некоторого изумленного остоленения. Все боюсь, что как-нибудь придут и скажут, что у меня тут проживает суперхакер, взломавший всю систему компьютерной безопасности Пентагона.

— Да прям! Какой я хакер, ладно тебе.

— Ну если бы ты соответствующий вуз выбрала, может быть... тебе же нравятся все эти... компьютерные штучки.

— Ой, вот только опять не начинай! — Ксения смешно наморщила нос и фыркнула. Как кошка, нюхнувшая невкусное. — Мне вон с ногтями нравится экспериментировать. — Она покрутила перед ним растопыренными пальцами: каждый ноготок был разрисован чем-то вроде стилизованных подводных пейзажей — от темно-синего, «глубинного», до нежно-бирюзового с золотыми искрами, словно проблескивающее сквозь воду солнце. Общее впечатление, впрочем, было вполне симпатичным. — И что теперь, в маникюрши идти? Или в саксофонистки?

Саксофон был одним из прошлых увлечений — таким же недолгим, как и многие другие: керамика, японский язык, ролики, филателия. Дочь рассказывала ему о каждой новой «страсти на всю жизнь». Почему-то именно ему, с матерью она делилась куда реже. Марк же получал полный отчет. Дольше всех, помнится, продержался театр: Ксюша часами экспериментировала с гримом, с костюмами, изображала перед зеркалом «чувства», декламировала стихи и монологи, отыгрывала бог знает где добытые «этюды», изображая то дырявый чайник, то жадную торговку семечками. Прибегала: пап, погляди, догадайся, что я показываю. Получалось у нее, кстати, вполне убедительно. Может, зря он так возражал против поступления в театральный? Способности-то у девочки явно есть. А вот призвание... Так, чтоб не кем иным, кроме как певцом или там автослесарем, себя не мыслил... Впрочем, ровно то же Ксения демонстрировала во всех своих «стра-

стях». Талантливый человек, говорят, талантлив во всем. А что призвание — чтоб с головой захватило, заслонив все прочие «страсти», — пока не обнаружилось, так кто его знает, когда оно обнаружится.

— Ну, по-моему, мозги у тебя больше технические, чем гуманитарные, — заметил Марк, сам, впрочем, не слишком веривший в существование убедительной разницы между «физиками» и «лириками». — А этот твой филфак...

— Да ой! — выпустив мышку, Ксения всплеснула руками. — Переводчик — самая девичья профессия. В технический вуз я реально не хочу. В экономисты — тем более. Ну и куда девушке податься? Ты же не пустил меня ни в ГИТИС, ни в Щепкинское, никуда.

— Угу, вот прямо не пустил, — хмыкнул Марк. — Наручниками к батарее приковал. Не преувеличивай. Ксюш, мы уже говорили об этом не один раз. В искусство можно идти, только если никаких других вариантов для тебя не существует. Знаешь поговорку: можешь не писать — не пиши? Другое дело, если бы ты дневала и ночевала в школьной студии...

Девушка брезгливо скривилась:

— Фу, любительщина...

— Ну да, не без, — согласился он. — Но если бы для тебя на сцене свет клином сошелся, ты хваталась бы за любую возможность туда попасть. А для тебя это вариант привлекательный, но далеко не единственный. И значит, лучше выбрать что-то другое. Искусство — слишком жестокая профессия, чтоб лезть в него вот так вот, из чистого «нравится». Самая, пожалуй, жестокая.

— Это ты про как у Маяковского? — не отрываясь от монитора, поинтересовалась Ксения. — «В грамм добыча, в год труды: изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды». Типа один процент таланта, девяносто девять — пролитого пота? — Она немного понажимала клавиши и вновь схватилась за мышку. — Или про конкуренцию? Типа все рвутся на Олимп, и пока пробьешься, весь в синяках будешь, так что ли?

Марк покачал головой:

— Это все в любой профессии так. И девяносто девять процентов пота — и крови, душа моя, и крови — и конкуренция, и синяки. Путь к Олимпу нигде коврами не устлан.

— Ну и чего тогда? — Она выпрямилась, откинулась в кресле и недовольно взглянула на отца.

— Ну и того, — передразнил он. — В других сферах этот самый Олимп не всегда планируется. Даже почти и никогда. Идет человек, скажем, на юрфак. И кем он себя мыслит? Ну есть у нас, конечно, известные адвокаты — но они же известны не делами своими, а тем, что в телевизоре помелькали. И абитуриент юрфака явно не мечтает о мировой славе. Мечтает, может, стать лучшим из лучших следователей и вообще возглавить наш Следственный комитет — вот ты, кстати, в курсе, кто в России глава Следственного комитета? А какой-нибудь аргентинский или египетский инженер не знает даже, что в России есть Следственный комитет. Зачем ему? Или возьмем вместо юриспруденции физику. Или историю. Или биологию. Посмотри на самых-самых — ну хоть бы на нобелевских лауреатов.

— По истории не бывает Нобелевской премии, — буркнула Ксения, уже догадываясь, куда клонит отец.

— А что бывает? — подхватил Марк. — Как историков отмечают? Не слыхала? Ай-яй-яй. Ладно, кто в этом году получил Нобелевку по химии? Не помнишь? Ах, вообще не обратила внимания. Вот то-то и оно. А это ведь самые-самые. Про остальных и говорить нечего. И выбирая физику, историю или юриспруденцию, человек никогда, понимаешь, никогда не ожидает, что станет так велик, что весь мир вокруг него ахать будет. Потому что не будет. Даже если этот самый человек и впрямь станет кем-нибудь вроде Эйнштейна или Флеминга.

— Это который Джеймса Бонда придумал, что ли? — съязвила Ксения.

— Нет, это который открыл пенициллин, — сухо уточнил Марк.

— Пап, да я знаю, я просто... — Она вздохнула.

Он улыбнулся:

— Нет, почему же, это очень показательно. Это как раз о том, что искусство — жестокая профессия.

— При чем тут искусство? — Она нахмурилась.

До этой стадии их споры «о профессии» еще не доходили. Но когда-то ведь все равно пришлось бы, подумал он, значит, нечего тянуть.

— Путь к Олимпу — это путь к профессиональному признанию. Профессиональному, заметь. А писать, рисовать, танцевать человек пытается, как правило, вовсе не за тем. Человек — животное социальное, и один из основополагающих его мотивов — ну или стимулов — потребность в стороннем внимании. Холодно человеку одному, вот он и кидается туда, откуда, как ему чудится,